

—• РЕТРОДЕТЕКТИВ •—

**ИРИНА
ЛОБУСОВА**

ЛУГЯРУ

Харьков
«ФОЛІО»
2019

ГЛАВА 1

*Одесса, шестой километр
Овидиопольской дороги,
конец мая 1937 года*

Впереди показались крыши домов. Они выступали из-за деревьев в каком-то просто обжигающем, неприлично ярком, не нужном ему сейчас, свете луны, заливающим щедро окрестности растопленным серебром. Это серебро, как на фотопленке, проявляло очертания крыш — казалось, что они находятся совсем близко.

Там — поселок. Значит, осталось еще немного. Он закусил губу. Капли крови потекли по подбородку, обжигая остывшую кожу непривычным теплом, но он почти не чувствовал боли.

Что была эта боль по сравнению с окровавленными лоскутами его спины, с изувеченными руками и ногами? Там, давно, в прошлом, меньше месяца назад — дней, тянувшихся для него больше, чем десятки лет, боль была подобна слепящему раскаленному фонарю, терзающему его мозг невыносимыми, болезненными ожогами. Это было похоже на котлован, где его варили, и по ночам, впившись зубами во все, что он мог найти на каменном полу камеры, он даже плакал от боли, в темноте скрывая этот невыносимый позор. Смешно вспомнить! Тогда на его спине еще оставались клочки целой кожи, а на руках и ногах — целые, не сломанные, не обожженные пальцы, и с ногтями, под которые еще не засовывали раскаленные иголки, выворачивая наизнанку и ногти, и все, что оставалось еще живым...

Тогда он наивно думал, что это боль. Но потом она как-то трансформировалась, словно съежилась до объема его вселенной, исключительно его мира, в котором больше не было мест для других миров. И он... сжился с ней, стал с ней одним целым, приняв эти ослепительно яркие точки алых сполохов, все еще порой тревожащие нервные окончания его измученного тела...

Так было. До тех пор, пока до крыш домов поселка — людского жилья — не оставалось нескольких коротких шагов. Стоящих больше, чем годы обыч-

ных человеческих жизней. Теперь, разглядев его смутные очертания за сельской грунтовкой, в темноте, он вдруг воспрял духом от этой огромной, долго сдерживаемой боли, отбросил ее. Боль стала... его крыльями к свободе. Крыльями, позволяющими взлететь над всем, оставив под собой мир, в котором бетонные блоки стен с колючей проволокой, к которой был подведен ток высокого напряжения, оказались всего лишь бездной, трещиной в земной коре, уводящей вглубь, к самым потаенным глубинам боли и страха, о которых и понятия не имел Данте, описывая свой ад...

Мощный луч прожектора вдруг резко полоснул по земле, высветил полосу пожухлой травы у обочины грунтовой дороги и, увеличиваясь в размерах, как глаз хищника, принялся шарить вокруг, рыская в поисках добычи — окровавленного куска мяса, в котором никто больше не признал бы человека.

Прожектор в глухой ночи, вопреки осторожности, тщательно соблюдаемой под грифом государственной тайны, включенный на всю мощь, означал: что-то произошло... Ночью свет прожектора был запрещен — так же, как и собачий лай. Чтобы не тревожить жителей близлежащих сел, собак по ночам запирали в вольеры.

Но то, что прожектор включили, означало: руководство потеряло контроль, и это беда. Прожектор

словно искал добычу, словно намеревался поглотить и заживо спалить своим оглушающим светом.

Это его искали. К счастью, он точно знал, что си-
рены были запрещены. Но и без них слепящий про-
жектор в ночной темноте, исполняющий безумный
танец по почти открытому полю, внушал чувство та-
кого ужаса, по сравнению с которым все остальное
казалось детским лепетом.

Он бросился на землю, быстро скатился в при-
дорожную канаву и так застыл, вдавившись лицом
в жирную, чуть влажную землю. От нее шел слад-
коватый запах тления, словно там, под этой землей,
разлагалась живая плоть. Он поневоле подумал, что
там могло быть на самом деле — наверняка тран-
шея: рытвина в этом месте означала только то, что
здесь закапывали трупы. И закапывали плохо, чуть
присыпая землей, оттого так сильно чувствовался
сладковатый, приторный запах.

Странно, но он вдруг поймал себя на том, что
этот запах, ужасающий в нормальных условиях, со-
всем не внушает ему отвращения. Ноздри его сладко
затрепетали, стараясь уловить малейшие оттенки,
мельчайшие нюансы этого запаха. А из груди вдруг
вырвался какой-то странный всхлип, напоминаю-
щий то ли рычание, то ли стон.

Он лежал и вдыхал этот аромат почти разрытой
могилы, а прожектор все бился и бился по земле,

словно пытаюсь преодолеть пределы возможного, расширить свои границы. Когда он понял, что прожектор не достает до траншеи, он едва сдержал крик. Спасен!

Несколько сантиметров темноты означали спасение. И, все еще прижимаясь лицом к земле, он медленно пополз вперед, стараясь достичь грунтовой дороги, куда точно не попадал свет прожектора.

И вдруг свет исчез. Руководство пришло в себя и вырубил панику. Это означало, что его собирались искать по-другому. Он ни секунды не сомневался в том, что за ним будет погоня. Он знал это в тот самый момент, когда сквозь обрушившийся прямо на него тоннель подкопа, с трудом, можно сказать, чудом выбрался в поле. Буквально вывалился, оставляя в земле кровавые следы, задыхаясь от неистовой жажды свободы, смешанной с таким мощным отчаянием, что за его плечами словно крыльями распускались новые, невозможные жизни, заставляя дышать снова и снова и бежать снова и снова.

Прожектор, погаснув в этой долгой ночи, означал шанс, за который стоило отдать всю свою кожу. Кое-как поднявшись на ноги, он как мог быстро зашкандыбал по рытвинам и колдобинам, больно ударяясь об острые камни земли распухшими ногами.

Но что это? Он вдруг увидел, как крыши домов села стали расплываться, дрожать и словно двоить-